

Марина ТОКАРЕВА

ТАК СЕРВИРУЮТ ЗЛО

ЛЕВ ДОДИН ИЗМЕРИЛ РОССИЮ ШИЛЛЕРОВСКИМ «АРШИНОМ»

Честное слово: никогда не предполагала, что шиллеровским «аршином» можно так измерить современную Россию, как это сделал Лев Додин, поставив на сцене петербургского Малого драматического «Коварство и любовь».

Открывается дверь и входит Она. Белое платье, точеные линии, гармония и тишина во всем облике. Берет книгу и садится у длинного стола. Миг безмятежного ожидания. По столу, скользя в броске, к ней пролетает Он. Двое, целуясь, пробуют друг друга на вкус так, словно присягают любви. Узнавание страстно сосредоточенно; в каждом жесте – огромность соединения. Теплый солнечный свет золотит тела и лица: вокруг сплошь тьма, но Луиза (Елизавета Боярская) и Фердинанд (Данила Козловский) будто озарены солнцем. Светотень – инструмент смысла: два господина в черном, вступающие с разных сторон на сцену, освещены совсем другим светом, жестким, фронтальным,

безжалостным. Президент фон Вальтер (Игорь Иванов) и его секретарь Вурм (Игорь Черневич) обсуждают повестку дня.

Сюжет известен. На задворках больших государственных интересов разворачивается частный эпизод – кто-то должен жениться на любовнице герцога, чтобы очистить площадку для выгодного союза не столько людей, сколько наций. Роль «кого-то» отведена сыну президента Вальтера, первого лица государства, реального правителя страны. Герцог доверил ему устроить судьбу своей любовницы леди Милфорд, с тем, чтобы потом она вернулась в его спальню. Но неожиданно сын противится воле отца. Любит другую. Луизу Миллер, всего лишь дочь придворного музыканта.

Е. Боярская – Луиза.
К. Раппопорт – леди Милфорд.
Д. Козловский – Фердинанд

Объятия двоих разорваны приказом. «Позовите мне моего сына!» – командует президент в микрофон, вмонтированный в воротник. Крошечная деталь (такой связью сегодня оснащены шефы охраны) задает точные координаты места.

Стену в глубине перечеркивает странная фигура (медового тона дерево на черном фоне), подобие креста, гильотины, готической буквы.

Известно: Шиллер стремился создать своих Ромео и Джульетту в ином контексте, сказать о чувстве, которое посылается не для семьи, детей, быта, а как сила божественного присутствия. Но почти во всех сценических трактовках пьесы коварство важнее любви; выпендривание речи героев лишь иллюстрирует пышную, многофигурную подлость. Здесь – иначе. Любовь – стержень, на котором держится и ломается мир. Откровение, которому стоит быть верным; способ свободы в бараче мироздания.

...Леди Милфорд (Ксения Раппопорт) встречает Фердинанда в экзерсисе: механический танец заводной куклы – привычное занятие. Ее поддерживают лакеи – они же охранники – в белых куртках официантов. Здесь сервируют все: расчет, подлость, страх, убийство под маской самоубийства.

Фердинанд приносит к ногам сиятельной шлюхи свой «мятеж чести», пытается увещивать леди как философ. Она заинтригована сложностью задачи («со мной еще никто так не говорил!»). Маленький заговорщический жест в сторону Президента, и дама сама берет за дело. И вот Фердинанд уже подмят ее вкрадчивой слабостью, околдован запахом, почти побежден. Она ложится с ним рядом на стол, предлагая себя отведать, он кричит: «Не могу!». Эта сцена насыщена крохотными «пузырьками шампанского»: мерцающего в каждом жесте юмора, ироничного знания человеческой природы.

Один из главных потаенных принципов построения спектакля – дуэль. Каждая парная сцена – психологический поединок. За его исходом (прием, идущий через весь спектакль) наблюдает ключевой свидетель: тот,

кого происходящее касается острее всего. Разговору отца и сына внимает Луиза. На серо-черном, официальном фоне президент главный. Рубленый профиль арийца, ежеминутная готовность вмешиваться в ход вещей, умение пользоваться силой и тонко, и грубо, деловитая неморальность существования. В его льюном рыке «Ступай немедленно!» – уже намечен конфликт прагмы и чувства, протокола и свободы. Президент следит за обольщением Фердинанда леди Милфорд, Фердинанд – за тем, как Луизе диктуют письмо и т.д. Тот, кто слышит, – болельщик, свидетель, судья. А световая партитура Дамира Исмагилова превращает героев то в скульптуры, то в силуэты, погружает то в солнечное тепло, то в лунный холод.

Визит Президента в семью Миллеров – допрос. На яичную скорлупу человеческого домика наезжает государственная машина. Тонкую и важную партию ведут Александр Завьялов и Татьяна Шестакова. Их «мещанская драма» – драма маленьких людей, чья жизнь случайно оказалась на пути больших. Миллер поддержан лишь собственным достоинством (он потеряет себя однажды, в финале, простодушно и жадно, как дитя, потянувшись к нежданному деньгам); в извиняющейся манере его жены – сияющее смирение. Президент смотрит на Луизу в упор и швыряет камень: «Он платил вам наличными?». И в микрофон командует: в смиренный дом! Тихие родители Луизы в одночасье становятся отверженными заложниками. Их беспомощность используют, чтобы заставить дочь написать любовное письмо Вурму.

И он снова возникает, партнер по интриге, узнаваемый, стертый, никакой. Приспособленчество – его кислород. В оплывших, чуть разъехавшихся чертах живет жесткая решимость вырвать у жизни свое. Он будет диктовать письмо-подлог мягко, осторожно, так ночью ступают по половицам, чтобы не скрипнули, но дичь уже окружена и загнана. Луиза вынуждена спасти отца и мать; Фердинанда заставят поверить в измену.

Додин выстроил спектакль как симфонию. Шиллер с его громоздкой, добротной, на славу отделанной, как старинная мебель

красного дерева, драматургией, здесь почти неузнаваем. Каждая сцена наплывает на другую в темпе аллегро; все крупно, подробно – и стремительно. Все выверено: ни одной приблизительной мизансцены, никакой «грязи» и суеты. Додин, один из немногих, имеющих дар сложной простоты на сцене, делает происходящее ясным, «как простая гамма».

— Лучшее место в театре – балкон, сверху все видно, – как-то сказал постановщик. Так он смотрит сегодня на спектакль жизни – чуть сверху; видны основа, узлы и петли; связи и обрывы. Целое. Он рассматривает времена, подобные нашим, в которых государство топчет человечность как таковую; вождедя при этом приличий и высокой идеологии, и все оборачивается преступлением.

Из лучших в спектакле сцена между Луизой и леди Милфорд. Тонкая партия, которую ведут две красавицы, одна из которых разыгрывает козыри своей вечной женственности, другая – живет со страстным достоинством, все поставив на последнюю карту. Елизавета Боярская, похоже, рождена для ролей сильных духом женщин. Размытый характер «голубой героини» в ее игре обретает алмазную суть хранилища истины. Как Джульетта, она готова идти до конца; ее любовь выше самосохранения, которому подчинена стратегия другой.

Ксения Раппопорт играет свою леди как существо хорошей породы, умницу. Она попытается унижить соперницу – не выходит; хочет одернуть – не получается, поставить на место – провал. Тогда она выслушает ее как равную. И поразится сказанному. И ощутит несказанное. Чистое пламя подлинности, для нее уже недоступно. Она останется одна и не сможет сдержать слез, и подхватит их изящными пальцами, стряхнет с кончиков. И чтобы успокоиться, встанет в позицию и продолжит экзерсис: механический звук заводной скаутки поможет избавиться от сожалений.

...Принесут множество свечей, и стоя над озером огня, Луиза зажмет в кулак сердце, притворится, что согласна с отцом; долг перед родителями – превыше всего. Пылающее погребальное озеро официанты скоро разъедят на отдельные шандалы. И в дом со словами

«Чума среди ангелов!» войдет неузнаваемо изменившийся Фердинанд.

В этой сцене странный воздух – уже не жизни. Управляемая катастрофа удалась: вынужденное предательство, разрыв. Но ни родители, ни сама Луиза еще не понимают, что происходит: всем не по себе. Еще живут приличия-неприличия, уместности-неуместности; а в эти минуты все кончается. Длинная сцена течет из бытия в небытие медленно – боль в реальном времени.

Свидетели в зале молча следят, как герой отсылает под благовидным предлогом Миллера, как просит лимонада. Как в паузе мать Луизы, оставшуюся наедине с Фердинандом, будто выталкивает со сцены – такая нарастает и безмолвно разрывает воздух пронзительная нота. Этот уход – страшный сигнал: освобождается пространство трагедии. Луиза растерянно приносит лимонад. Фердинанд растворяет мышьяк, жадно пьет, щедро наливает «изменнице». Вокруг героев смыкается каре: официанты начинают накрывать столы. Пылают свечи в шандалах; сияют белоснежные крахмальные скатерти. Готовится государственный банкет: сервируют зло. В замкнувшейся клетке происходит взрыв последней прямоты, предсмертная кода любви.

Луиза упадет на стол. Фердинанд закован на стуле. Над трупами, над праздничными столами загремит громовая речь Президента по случаю бракосочетания герцога. Отрывок из «Писем» Бисмарка, использованный театром, звучит тостом на инаугурации или послесловием к приговору «кощунницам», в нем различимы и резкие крики стерхов: «Для политика на первом месте – необходимое: оборудование своего национального, государственного, человеческого дома. Нас легко расположить к себе любовью – может быть, даже слишком легко – но не угрозами, не слепым сопротивлением, не непониманием. Мы боимся – Бога, и больше – ничего и никого на свете, кроме Бога, и сама эта наша Богобоязненность заставляет нас любить, сохранять и улучшать мир».

Принесенные в жертву поднимают головы. Они слышат эту речь.